

Искусство. Талант. Жизнь.

Ярославль

В НАШЕМ городе, наверное, найдется немало театралов, которые наперечет знают имена всех 50 артистов театра имени Волкова. Но не многие знают о том, что в театре, кроме артистов, работают еще 160 творческих работников. Это и бутафоры, и декораторы, и осветители, и машинисты сцены. Их имена обычно набираются самым мелким шрифтом в самом низу афиши, но без их труда такое сложное хозяйство, как спектакль, не может существовать. Я не оговорился. Спектакль, действительно, хозяйство со своим планом работы, со своей сметой, в которой учтены даже копеечные расходы. Нужно проявить много умения и изобретательности, чтобы «пропустить» спектакль без малейшей накладки. А у людей, которые работают за кулисами, в избытке имеется и изобретательность, и любовь к своему труду, любовь к театру.

Обыкновенные рабочие руки. Они покрыты твердыми мозолями, запачканы красками, кожа на них темная и жесткая. Но как много умеют делать руки театрального рабочего!

Вот ваза. Обыкновенная стеклянная ваза, оправленная в жезь. А из зрительного зала она будет выглядеть, как хрусталь и серебро. Сделали ее такой руки бутафоров под руководством Георгия Борисовича Кузьмина. А вот кинжал в красивых ножнах с узорчатой насечкой. Кинжал бутафорский, но вы заметите это, только поддержав его в руках. Бутафор из бумаги, картона и материи может сделать шапку Черномора, колонну, космический корабль и даже целую планету. Попробуй скажи после этого, что бутафория не искусство!

Творческий работник... Павел Иванович Москвин и Серафима Михайловна Варламова вполне заслужили это почетное звание.

Потребуется, например, окрасить кусок ткани в какой-то необычный цвет — несует его к Павлу Ивановичу. Тот скажет свое неизменное — «попробую», поколдует над красками, и, пожалуйста, нужный цвет получен.

Ну, а если нужно, чтобы художественное оформление спектакля звучало тепло и приглушенно, как старинная гравюра, то без Павла Ивановича никак не обойтись. Он чувствует краски как одаренный художник. Побывав в руках Павла Ивановича, ткань, кроме цвета, приобретает совершенно необычное свойство. Она не горит. Ее хоть на жарком огне жги, она почернеет, развалится, но даже не затлеет. Химия!

Павел Иванович очень любит театр. 25 лет своей жизни отдал он ему. Павел Иванович и сына своего пристрастил к театру. Вместе верой и правдой служат они искусству. Сын работает начальником костюмерного цеха, а Павел Иванович — красильщик.

«Мы любим театр», — в этих словах вся Серафима Михайловна Варламова. Пришла она в театр имени Волкова еще в 1937 году и с тех пор не расстается с ним, хотя не раз предлагали ей более высокооплачиваемую работу. А работа у нее ох какая нелегкая! Она закройщица. На ее столе начинается театральный

костюм. Однажды случилось так, что театру остро потребовались рабочие руки. Пригласили мастера со швейной фабрики. Те поработали несколько дней и сбежали. Не по плечу им оказалась работа в театре. Серафима Михайловна умеет кроить одежду всех времен и народов, начиная от платья королевы и кончая ультрасовременной модой.

«Неповторимая закройщица», — говорят о ней в театре.

Качеством костюмов Ярославский театр может по-

ПО ТУ СТОРОНУ
КУЛИС

спорить со многими прославленными театрами страны. В этом есть немалая доля труда Серафимы Михайловны Варламовой.

Побывав за кулисами театра, воочию убеждаешься, что театр, как и кино, искусство коллективное. Артисты еще не пришли, а рабочие сцены, электрики, осветители уже готовят сцену к спектаклю. В это время сцена напоминает муравейник, в который сунули голубов. Все куда-то спешат, что-то тащат. Но потом глаз улавливает в этой суете строгий порядок. Каждый делает свое дело и не мешает соседу. Старший машинист сцены Нури Гареевич Габдурахманов вездесущ и многолик. Только что он сидел в зрительном зале, через мгновение он уже за кулисами, а потом он исчезает внизу под сценой

то рычагов и штанг. Машинист сцены отвечает за установку декораций, под его присмотром вся театральная техника, и работать она должна безотказно.

Осветители Владимир Константинович Мосягин и Борис Васильевич Кукушкин озабочены. В зареве восходящего солнца, которое они должны изобразить светом, темное пятно. Непорядок. Ненормальность не бог весть какая, можно пропустить спектакль и так, но профессиональная честь людей, многие годы проработавших в театре, не позволяет этого сделать. Тяжелая гирлянда прожекторов медленно поплыла вниз, электрики заметили сго-

решую лампу, и зарево запылало во всей красе. Тем временем художник Борис Гонгин подкрасил кое-где подаравшуюся мебель. Можно начинать спектакль. Внимание! Занавес!

Я долго преследовал Валентина Ярулина, стараясь поймать его в объектив фотоаппарата, но это мне никак не удавалось. Казалось, он существовал одновременно в десяти местах, но только не там, где был я. Инспектор сцены, строгая женщина в черном платье, Галина Константиновна Петрова, от которой во многом зависит четкий ритм всего спектакля, умоляюще шептала: «Молодой человек, только не забредите куда-нибудь».

Забрести куда-нибудь было не трудно, потому что за сценой десятки помещений и везде должен побывать Валентин Ярулин перед началом спектакля. Валентин Ярулин — помощник режиссера — сегодня ведет спектакль. Это он отвечает за то, чтобы занавес раздвинулся только тогда, когда лиристка сыграет определенную музыкальную фразу. Ни мгновением позже, ни мгновением раньше! За что только не отвечает по-реж — и за свет, и за установку декораций (хотя есть и осветитель и машинист сцены), и за своевременный выход актеров, и за шум. На плечах помощника режиссера весь спектакль.

Хотя спектакль идет, наверное, уже в сотый раз, но артисты ужасно волнуются и от волнения порой забывают вовремя бросить реплику из-за кулис или снять шляпу. Валентин тут как тут:

— Григорий Акинфиевич, кричать будете?

— Да, да, спасибо, что напомнили!

Обязанность это или просто дружеское желание помочь артисту в его нелегком труде, я не знаю. Скорее всего последнее.

В. МУСИНСКИЙ.